

Эту книгу я писал на гастролях: в дороге, в перерывах между концертами. И если ее герои напоминают вам каких-то определенных людей, то это чистая случайность. Или результат того, что авторская фантазия — мое слабое место.

*Наконец-то у меня нет больше мечты,
Наконец-то у меня нет больше друзей,
Наконец-то у меня нет больше никаких эмоций,
Теперь я не боюсь умереть.*

Группа *Isolation Berlin*,
слова из песни «Все серое»

Сегодня утром мы совершили перелет, наш самолет пересек часовой пояс. В моем смартфоне произошла автоматическая перенастройка индикации времени. А я потерял способность более-менее точно определять, который час. Мы остановились в гостинице и после короткого отдыха отправились давать концерт.

Очень медленно, метр за метром, нанятый нами автобус продвигается через центр Будапешта к его окраине. Кажется, это большой город. Сегодня пятница, и все его обитатели желают как можно скорее выбраться на природу. Поэтому мы попали в пробку.

Я смотрю в окно. Мой взгляд упирается в огромный грязный грузовик, который едет рядом. Он пытается нас обогнать. Наш возмущенный водитель при малейшей возможности поддает газу, и тогда меня вдавливают в спинку вонючего сиденья. А когда автобус резко тормозит, меня кидает вперед. Грузовик отстает, потом снова настигает нас. Его кузов серой стеной снова закрывает вид из окна...

Мы потихоньку приближаемся к окраине города. Я с удовольствием сел бы впереди, рядом с водителем. Но тот разложил свои вещи на соседнем сиденье и посмотрел довольно странно, когда я открыл дверь кабины. Глянул так, будто я попытался залезть к нему в кровать.

В пассажирском салоне я всегда чувствую себя багажом. Как будто меня бросили, как вещь, и забыли. Кроме того, я люблю беседовать с чужеземными водителями. Зачастую они становятся самыми достоверными источниками информации о той стране, в которой мы находимся. Но сейчас я с удовольствием спросил бы нашего шофера: чья песня доносится из динамиков его автомагнитолы?

Как-то раз, и тоже в автобусе, я открыл для себя новую интересную группу. Во всяком случае, лично для меня она была новой. Музыка, которую играли эти ребята, с каждым циклом звучала все напористее. Причем так, что казалось: диск бракованный и вибрирует, поэтому воспроизведение звука причудливо и непредсказуемо искажается. Я был совершенно очарован и спросил водителя, что это за группа. Мы тогда были в Барселоне, а я не говорю ни на испанском, ни на приемлемом английском. Поэтому шофер вполне мог понять меня неправильно. Так или иначе, он вытащил диск из CD-плеера и подарил мне. Я получил ответ на свой вопрос... Вернувшись в Берлин, я похвалился своим приобретением перед дочерью. Хотел показать ей: несмотря на свой солидный возраст, иду в ногу со временем. Мы стали слушать записи группы. Я пытался объяснить, почему мне нравится эта музыка. Она звучит так, будто выбор мелодии или звукового спецэффекта определяется случайным образом. Моей дочери понадобилось лишь посмотреть на дисплей CD-плеера, чтобы определить: диск испорчен. Взгляд, которым она меня одарила, не поддается описанию!..

Мне по-прежнему нравится слушать эти записи. В некотором смысле, они будят творческую мысль. Ведь невозможно предугадать, какой мелодичный отрывок в следующую секунду предоставит тебе для прослушивания испорченный диск. Он не вызывает скуку, как бывает при знакомстве с посредственными аудиозаписями, «музыкальными консервами». Он заставляет активно слушать, напрягать музыкальный слух. При этом я всегда открываю для себя что-то новое.

Песня, которая навела меня на эти воспоминания, заканчивается. И желание расспросить о ней водителя — пропадает. Да и заводить разговор с этим немногословным и своеобразным человеком не хочется.

Откровенно говоря, я не знаю, что смог бы с ним обсудить. Когда я вошел в автобус, он хотел знать от меня только одно: сколько еще пассажиров будет вместе со мной. Если, конечно, мне удалось правильно расшифровать его венгерскую речь. Я не смог ответить даже на этот простой вопрос. Когда вышел из гостиницы, никого из нашей команды не увидел. Каждый из нас снимал отдельные апартаменты, и я не знал, какие планы у остальных.

Вероятно, это нелепо — отправляться давать концерт группы в одиночестве. Но я сел в автобус...

Я чувствую, что уже гораздо больше времени, чем мне кажется. И думаю: на часы в моем смартфоне, наверное, полагаться нельзя. И на телевизор тоже. Каналы транслируются из разных стран. Когда в Англии три часа, в Германии уже гораздо позднее.

А вот Австралию пересекает граница часовых поясов. И в некоторых городах, если едешь из одного района в другой, например к стоматологу, опаздываешь к нему на прием на полчаса, а то и на час. Подобное было со мной и в Америке. Кажется, в Хартфорте... Там мы всей нашей командой ни с того ни с сего взобрались на железнодорожный мост. И я впервые в жизни пережил смертельный страх. Поезд появился именно в тот момент, когда мы дошли до середины моста. Мы бросились в разные стороны, но боковых дорожек с перилами здесь не было. Стоя на краю шпалы, я далеко внизу видел воду реки... Поскольку поезд был бесконечно длинным и ехал медленно, мне казалось, что это никогда не кончится. Тогда я в очередной раз убедился: время может очень сильно растягиваться! К сожалению, чаще всего оно растягивается в очень неприятных ситуациях.

Сейчас, в автобусе, мне тоже кажется, что мы находимся в дороге целую вечность...

Я думаю о том, что наш отель расположен далековато от центра города. Поэтому мне не удастся познакомиться с достопримечательности Будапешта. Но я не жалею об этом. Достопримечательности меня интересуют довольно мало. Это звучит странно, но в родном Берлине я не пойду смотреть на Телебашню или Бранденбургские ворота.

Залы, в которых мы играем, как правило, лежат за пределами города. И это не случайно: наши фанаты не имеют возможности его изгадить. На подъезде к концертному залу я всегда наблюдаю огромное их количество слева и справа от дороги. Они паркуют свои машины на обочине и потом собираются в группы. Так, пешком, они движутся быстрее, чем наша команда в автобусе.

Бывало, раньше я тоже приходил на концерт пешком, просто следуя за толпами фанатов. Иногда приходилось за это платить долгими объяснениями с охраной у служебного входа. В больших залах телефоны в костюмерной почему-то частенько не работают, а служба безопасности очень недоверчива...

Как-то раз, в Берлине, я отправился на концерт в такси, чтобы иметь возможность пить пиво и не бросать свой автомобиль где попало. Когда мы подъехали к залу, я попросил таксиста подвезти меня к служебному входу. Я немного опаздывал и нервничал. Когда мы играем в Берлине, в родном городе, — это двойная ответственность. В таких случаях меня не напрягает даже то, что предстоит дать два концерта подряд. Я просто стараюсь как можно быстрее погрузиться в творческий процесс.

«Очередь вот здесь, и она огромная!» — сказал водитель и показал на длиннющую колонну людей, тянущуюся вдоль здания. Мне пришлось открыться: «Я из группы!» — «Нет, дружище! — засмеялся он. — Сегодня здесь играет *Rammstein*, и такое вранье со мной не пройдет!» Когда я попытался настоять на своем, он снова рассмеялся и ответил логично и жестко: «Если бы это было так, если бы ты играл с ними, то не сидел бы здесь, рядом со мной, в такси!» С этими словами он высадил меня в хвосте очереди. Поэтому сейчас мне приятнее ездить в автобусе, который нам предоставляет организатор концертов.

За городом взгляду открывается уродливая картина промышленной зоны. Это означает, что мы почти у цели. Вскоре я вижу впереди нечто, напоминающее огромный выставочный зал или стадион. Его серая громада тонет в вечернем сумраке. Перед зданием парковка расширяется. Здесь стоят огромные туристические автобусы, в которых пасса-

жиры имеют возможность спать. В них наши фанаты сопровождают нас на гастролях. В одном из таких автобусов ездит и наша группа.

Я снова смотрю на серые стены впереди. Ну, что заскучили? Сейчас сделаем наш рок-н-ролл!..

Рок-н-ролл давно перестал быть тем, чем он когда-то был, уверяю вас. Конечно, не стоит доверять моей компетентности в этом вопросе только потому, что я музыкант. Мне, вообще говоря, ничего не понятно. Что это такое — рок-н-ролл? Не та ли забавная музыка, которую слушали раньше наши папы и мамы? Или бабушки и дедушки? Когда она прозвучала впервые? Не тогда ли, когда вскоре после войны Билл Хейли¹ давал гастроли в Германии? А где? В концертных залах Берлина? Или под открытым небом в Вальдбюне?² Для нас, детей из ГДР, это было не важно. Мы совсем немного знали о жизни в ФРГ. И даже позже, в юности, когда музицировали и пели в домах юных талантов, не узнали большего. Некоторым из этих талантов уже перевалило за семьдесят. И они играли блюз, тогда это было в порядке вещей...

Как бы странно это ни звучало, в моей юности не было никаких «старых» рок-музыкантов. Рок-н-ролл пребывал в поре юности. Мик Джаггер³ был тогда на двадцать лет моложе, чем я сейчас. Смешно сказать, но у меня имелось твердое мнение: человек не может играть рок-музыку, если ему больше тридцати! И никакого джаза, если он молод. Президентом тоже можно было становиться только после сорока.

Вообще, я говорю о рок-музыке. Дополнение «н-ролл» можно уже опустить в наше время. Даже абсолютные невежды уже так не говорят. Появилось слово «хард-рок». Причем я, конечно же, всегда понимал «хард» как *hard* (тяжелый, *англ.*), а не *heart* (сердце, *англ.*). Кто напишет по-английски «тяжелый» с глухой согласной *t*? Рок-н-рольные группы, которые я знал, играли свои *heart*-песни и выглядели, как

---

¹ Б и л л Х е й л и , или Уильям Джон Клифтон Хейли — американский музыкант и певец, знаменитый исполнитель рок-н-ролла. — *Примеч. ред.*

² В а л ь д б ю н е — театр под открытым небом в Берлине. — *Примеч. ред.*

³ М и к Д ж а г г е р — британский рок-музыкант, вокалист группы *The Rolling Stones*. — *Примеч. ред.*

музейные экспонаты. Они пытались соединить свое особое ощущение жизни с классикой и снова вернуться к *Sweet Little Sixteen*¹ («Сладенькая шестнадцатилетняя девчонка», *англ.*).

Обязательными принадлежностями той моей жизни были кожаная куртка и мотоцикл. И еще джинсы. В детстве я не раз слышал, как бабушка ругалась и называла уродством джинсовые брюки. Рокеры собирались небольшими группами и празднично шатались по городу. Конечно, там были только самые крутые парни! Являлись ли фанаты хеви-метал рокерами? *AC/DC*² тоже постоянно пела рок-н-ролл. А что насчет фанатов рокабилли?³ Имели они право называть себя рокерами? Так много неясности во всем этом... Кстати, тогда еще и панки вступили в игру. Если вам не повезло и вы не могли назвать себя панком, можно было выбрать любой другой штамп, чтобы быть похожим на других.

Можно ли быть панком, если ты все еще живешь с родителями? На мой взгляд — да, ведь я сам покинул их, когда мне было уже 23 года. Для панка было очень полезно иметь контакты в западных странах или, по крайней мере, располагать кучей денег, иначе как можно было раздобыть себе армейские ботинки? А кожаную куртку? Кожаные штаны просто невозможно было купить у нас, на востоке Германии, поэтому приходилось довольствоваться пошитыми на заказ. Эта ситуация со штанами продолжалась примерно год, и мне пришлось понести серьезные убытки. Многие панки, которых я знал, происходили из богатых семей и могли себе это позволить. Их материальное положение давало возможность бездельничать. Нужда не заставляла их играть в группе, сочинять песни или рисовать на асфальте. С пролетарскими

---

¹ *Sweet Little Sixteen* — популярная песня в исполнении американского рок-музыканта, певца и автора песен Чака Берри. — *Примеч. ред.*

² *AC/DC* — популярная австралийская рок-группа, созданная в 1973 году. — *Примеч. ред.*

³ *Рок а билли* — ранняя разновидность рок-н-ролла с элементами кантри-музыки, свинга и буги-вуги. — *Примеч. ред.*

идеалами Англии их объединяла только любовь к панк-музыке и то, что им приходилось терпеть на улице, где их оскорбляли или избивали. К тому же, если человек выглядел как панк, его профессиональные перспективы отнюдь не радовали. Большинство из тех, кто был беден, перебивалось заработками на почте, в социальных организациях или на кладбище.

Если панк делал на своей куртке надпись «Будущего нет», то он верил, что так оно и есть. Те, кто не видел для себя будущего в Германии, добивались разрешения на выезд. Иногда они получали выездные визы раньше, чем их кожаные штаны были готовы. И тогда штаны перепали мне.

Но все же рок-н-ролл жил. Однажды Джонни Кэш сказал, что он в дороге на гастролях, выглянув из окна автобуса, всегда легко может определить, где находится. Я верю ему. Он очень часто колесил по Америке и знает ее наизусть. Он дал невероятное количество концертов за свою жизнь. В то время триста выступлений в год не означало ничего особенного. Как и то, что группы годами жили в дороге. А теперь даже я, занимаясь музыкой много лет, знаю лишь несколько улиц в Восточной Германии. Например, пару перекрестков в районе Hermsdorf или развязку Schkeuditzer. Когда мы летим на гастроли на самолете, я вижу только облака. Поэтому плохо ориентируюсь на земле, на улицах. А ведь настоящий рок-н-ролл исполняется именно на улице!..

Ну, если речь зашла о гастрольных поездках, то надо сказать и о женщинах! О поклонницах разговор особый. В истории *The Rolling Stones* они терпеливо образовывали очереди перед гостиничными номерами музыкантов, ожидая возможности быть приглашенными. Это невероятно! Целые очереди! Сейчас же техника стоит на защите наших прав! Для того чтобы добраться на нужный этаж гостиницы, необходимо иметь гостиничную карту-ключ. Она вставляется в специальную щель внутри лифта, и только тогда он трогается с места. Как теперь женщины, незарегистрированные в нашем отеле, могут образовывать очереди? Я рад, что на гастролях, отдыхая в своем номере, могу наслаждаться одиночеством!

Раньше музыканты рассказывали: после концерта, да и в антрактах, у них обязательно был секс. Они просто излучали сексуальность. Их рубашки всегда были расстегнуты до пупа. Каждое гитарное соло уже было прелюдией к соитию. В наше время на сцене стоят моногамные, политически выдержанные вегетарианцы — аккуратно одетые и вдобавок еще трезвые! Они добросовестно готовятся к концерту с помощью дыхательной гимнастики, а разогреваются физическими упражнениями на растяжку.

Вероятно, все обстоит совсем не так, и у меня с возрастом выработался особый взгляд на подобные вещи. Моя собственная маленькая жизнь, наверное, уже слишком далеко ушла от рок-н-ролла. Если он вообще когда-то имел ко мне отношение. Наверное, никто, кроме меня самого, в течение многих лет не воспринимал меня панком. Но я панк, а не рок-н-роллер. Поэтому я не знаю, что такое рок-н-ролл и не знаю, как в нем существовать. Я даже не знаю, что делать с собой как с панком. Просто чувствую себя намного лучше, когда убеждаю себя, что я панк...

Я покидаю автобус, вхожу в серую громаду концертного зала и в костюмерной достаю из шкафа свою концертную куртку. Плюхаюсь на диван и пробую раскрыть на ней молнию. Она не поддается. Я дергаю ее со всей силой. Она идет нелегко. Наверное, потому, что я всегда потею на сцене так сильно, что вся одежда становится мокрой, а железные молнии на ней ржавеют. Я думал, что они делаются из высококачественной легированной стали. Как оказалось, не все так просто.

«У тебя будут гости?!» — неожиданно раздается над ухом резкий голос. Он похож на голос лягушонка Кермита¹, только звучит намного громче. Я всем телом вздрагиваю и ударяюсь локтем о столик, который стоит рядом с диваном. Меня пронзает нестерпимая боль, я в ужасе

---

¹ Лягушонок Кермит — персонаж «Маппет-шоу» — англо-американской юмористической телепрограммы, вышедшей в 1976–1981 гг. — *Примеч. ред.*

оборачиваюсь. «У тебя будут гости?!» Это Том, ассистент нашей группы. Он тупо смотрит на меня. Он небольшой, зато очень мускулистый, особенно в области лица. Какие у него глаза — можно только догадываться. Они скрываются за огромными роговыми очками. Том близорук и, возможно, именно поэтому подходит к своим собеседникам очень близко. Сейчас он выполняет одну из своих обязанностей — заполняет перед концертом гостевой лист.

«У тебя будут гости?!» — орет он снова, потому что я не могу ответить сразу. На самом деле, он вовсе не расстроен или возбужден, как может показаться. Он совершенно невозмутим и спокоен. Он требовательно кричит, чтобы «соответствовать» своему служебному положению. Чтобы не слышать его ор в четвертый раз, я поспешно уверяю: «Нет, спасибо, сегодня у меня не будет гостей!»

Том довольно кивает, он и не ожидал другого ответа. Откуда здесь, в Будапеште, у меня могут взяться гости? Но бывает всякое. Это он знает из многолетнего общения с музыкантами. Иногда в других городах знакомые звонят мне и выражают желание попасть на концерт. Но такое бывает редко, и я сразу даю знать об этом Тому. Случалось, мои друзья приезжали на концерт, а их не пускали, потому что я о них забыл. Они не могли связаться со мной, потому что за некоторое время до выступления я уже не имею возможности говорить по телефону. Потом я горько сожалел о своей забывчивости. Представлял себе, как люди стояли у закрытых дверей зала и думали о том, что на меня нельзя рассчитывать.

Том выбегает из костюмерной, чтобы найти остальных членов группы. А я снова возвращаюсь к борьбе с молнией на куртке. Если я не справлюсь, то не смогу надеть сегодня свой концертный наряд. Это куртка-блеск. Она называется так потому, что сверкает как диско-шар, когда на нее падает свет, и очень плотно облегает тело. Она была с любовью скроена нашими портнихами по моей фигуре, из ткани с блестками. Но так как я потею на каждом концерте, со временем она становится все теснее.

Или это я после каждого концерта становлюсь немного толще...